

t%27s_in_the_Future_And_How_We_Go_About_Doing_It_HI_at_Apple_Computer.
– Date of access: 25.04.2020.

11. Nussbaum, B. Creative Intelligence: Harnessing the Power to Create, Connect, and Inspire / B. Nussbaum. – New York: Harper Collins, 2013. – 351 p.

12. Reiser, R. A. Trends and Issues in Instructional Design and Technology / R. A. Reiser, J. V. Dempsey. – New York: Pearson Education, 2012. – 408 p.

13. Schön, D. A. The Reflective Practitioner: How Professionals Think in Action / D. A. Schön. – London: Temple Smith, 1983. – 374 p.

14. User Centered System Design. New Perspectives on Human-computer Interaction / Ed. by D. A. Norman. – Boca Raton: CRC Press, 1986. – 526 p.

ОБРАЗОВАНИЕ В ПЕРСПЕКТИВЕ ПОСТМОДЕРНИСТСКОГО МЫШЛЕНИЯ³

EDUCATION IN THE PERSPECTIVE OF POSTMODERN THINKING

H.V. Medvedev

N.V. Medvedev

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина

Тамбов, Россия

G.R. Derzhavin Tambov State University

Tambov, Russia

e-mail: mnv88@mail.ru

В статье рассматривается влияние постмодернизма на образование. Выявлены основные характеристики состояния «постмодерна». Подчеркивается, что такие факторы, как идиосинкразия к культурному многообразию и формам жизни, разрушение убеждения об определяющих аспектах идентичности личности, установление границы языка как средства для оправданного решения, оказывают воздействие на образовательный процесс с точки зрения постмодернистского способа мышления.

The article examines the influence of postmodernism on education. The main characteristics of the "postmodern" state are revealed. It is emphasized that such factors as idiosyncrasy towards cultural diversity and forms of life, the destruction of beliefs about the defining aspects of personal identity, the establishment of the boundary of language as a means for a justified solu-

³ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 19-011-00254

tion, have an impact on the educational process from the postmodern way of thinking.

Ключевые слова: постмодернизм; философия образования; формы жизни; мета-рассказ; личность.

Keywords: postmodernism; philosophy of education; forms of life; meta-narrative; personality.

Примечательной особенностью последних десятилетий в области философии образования является возросший интерес к постмодернистскому мышлению и практике. Этот факт вызывает раздражение у некоторых специалистов, которые критично настроены в отношении постмодернизма, воспринимая развернувшийся спор вокруг этой темы как модную и искусственно раздуваемую шумиху. Замысел представленной статьи состоит в прояснении влияния постмодернистских установок на образование. Для достижения поставленной цели в докладе будут проанализированы особенности постмодернизма как «состояния» и «движения» в культуре, а также возможности для построения постмодернистской теории образования.

Термин «постмодернизм» является сложным для определения в силу неоднозначности и разнообразных способов его применения в научном дискурсе. Этот термин применяется в философии для обозначения различных концепций: неопрагматизма Ричарда Рорти, эпистемологии позднего Людвиг Витгенштейна, постструктурализма Мишеля Фуко и Жана-Франсуа Лиотара, философии деконструктивизма Жака Дерриды, герменевтической феноменологии Ганса-Георга Гадамера, критической теории Юргена Хабермаса и т.д. Несмотря на то, что перечисленные выше философские позиции именуются «постмодернистскими», выделить набор тезисов, который объединяет всех этих мыслителей, весьма непросто. На мой взгляд, правильнее говорить о существовании разных форм философского постмодернизма.

Сущностная характеристика постмодернизма выражается приставкой «пост» как критическом отношении к модерну (Новому времени или современности). Ж.-Ф. Лиотар в своей знаменитой работе «Состояние постмодерна» (1979) описывает данную особенность как отказ от метанарративов [2]. Он дает следующее философское определение постмодерна: «Упрощая до крайности, мы считаем «постмодерном» недоверие в отношении метарассказов» [2, с. 10]. В данном случае речь не идет об отказе в буквальном смысле обращаться к метарассказам или их окончательном опровержении, скорее подразумевается принятие установки на «недоверие» ко всему тому, чему люди доверяли в прежние времена. Другими словами, постмодернисты не просто негативно или крайне критично относятся к классическим представлениям и ценност-

ным императивам, они ставят под сомнение, причем на основополагающем уровне, саму возможность разработки последовательной, всеобъемлющей альтернативной теоретической позиции. Следует также добавить, что появление термина «постмодернизм» было связано не столько с построением конкретной философской программы, сколько с описанием наметившегося в начале XX века движения в искусстве и архитектуре. Таким образом, произошедшие в прошлом столетии глубокие социально-культурные изменения породили в обществе настроения подозрительности в отношении традиционных представлений, верований и ценностей, обозначив наступление эпохи постмодерна.

Переход общества к состоянию постмодерна можно объяснить разными причинами: это и процессы глобализации, и угроза всемирной катастрофы в случае применения ядерного, химического или другого вида вооружения, и наступление экологического кризиса и т.д. Люди начали понимать, что научные знания и высокие технологии не помогают эффективно справиться с глобальными проблемами современности; скорее, напротив, высокие темпы научно-технического прогресса ведут к углублению и расширению указанных проблем. Сегодня уже кажется недостижимой цель установления рационально обоснованного согласия между разными культурами, религиями с позиции общечеловеческих интересов и ценностей. Иными словами, состояние постмодерна представляет собой откровенное разочарование духом Просвещения. По словам Ж.-Ф. Лиотара, постмодернизм «несомненно, это часть модерна. [...] Все, что получено, следует подозревать» [3].

Вместе с тем появление постмодернистского мышления было подготовлено наличием в философии модерна критической установки по отношению к предшествующему знанию. Такие подходы, как критическая философия И. Канта, скептицизм Д. Юма, радикальное сомнение Р. Декарта, критика идеологии К. Марксом, нигилизм Ф. Ницше, экзистенциализм С. Кьеркегора, прагматизм Д. Дьюи, – все это демонстрирует модернистский скептицизм в отношении к традиции и достигнутым прежде «фундаментальным» истинам. Итак, отличительной особенностью модернистских исследований является наличие критического импульса, призванного обеспечить истинное или ясное понимание природы вещей. Однако возможность достижения последнего как раз и ставится под сомнение представителями философского постмодерна.

Теперь кратко охарактеризую основные черты состояния «постмодерна». Одной из важнейших особенностей постмодернизма является растущее осознание факта радикального многообразия и потенциальной несоизмеримости различных культур и форм жизни людей, а также проявление высокой чувствительности к таким различиям. В современ-

ном мире средства массовой информации, новые формы коммуникации, поп-культура, несомненно, способствуют сближению разных народов. Обнаруживаемые на глобальном уровне политические и экономические взаимосвязи стимулировали активизацию усилий, направленных на примирение и терпимое отношение к различным верованиям и ценностям. Вместе с тем под «подозрением» оказывается оптимизм философского проекта Просвещения относительно возможности синтезировать или каким-то образом согласовывать между собой различные воззрения и ценностные убеждения в ходе непрерывного диалога и аргументации.

Другая характеристика постмодернизма заключается в разрушении широко распространенного представления об устойчивой, субстанциальной природе идентичности личности. Теории перформативной, конструируемой идентичности в большей степени подчеркивают текучесть и контекстуальную зависимость даже кажущихся нам неизменными биологических категорий, таких как пол, раса, этническая принадлежность, не говоря уже об очевидных культурных и классовых идентификациях. Теории гибридности подчеркивают смешение, размывание границы в сочетаниях различных элементов, которые люди находят в себе [7].

Еще одной особенностью состояния современности является достигнутое в обществе понимание того, что государственная власть как тотализирующая сила деформирует или «выхолащивает» лучшие человеческие устремления, ее влияние распространено повсеместно в структурах жизни людей. Государственные, институциональные и корпоративные структуры оказывают воздействие на индивидуальный выбор. В современном мире широко применяются технические системы наблюдения и контроля, которые позволяют отследить действия каждого отдельного индивида. Люди почти все время задействованы в них, сознательно или бессознательно. По словам М. Фуко, паноптикум наделяет социальную реальность некой прозрачностью, но сама власть стремится остаться вне поля видимости [4, с. 228].

Важнейшая характеристика постмодернизма связана также с высокой оценкой роли языка в жизнедеятельности людей. Речь, употребляемые языковые формы оказывают несомненное влияние на образ жизни людей, их бытие в мире. Человеческие практики общения, объяснения, установления истины всегда представлены через артикуляцию форм конкретного языка или языков. Поскольку разговорные языки разнообразны и концептуально несоизмеримы, постольку любая излагаемая точка зрения ограничивается рамками определенной дискурсивной системы. В контексте заданной концептуальной системы могут быть рассмотрены вопросы об истине, ценностях и т.п. Такая установка форми-

рует в постмодернизме тотальный скептицизм относительно стандартных классических концепций реализма, рационализма и объективизма.

Выделенные выше характеристики составляют основу постмодернистского мышления, формируя установку на «недоверие» к идеалам просветительской философии, в особенности по причине недостаточного внимания последней к элементам случайности и специфичности. Как утверждает В. Вельш, «постмодерн бежит всех форм монизма, унификации и тоталитаризации, не приемлет единой общеобязательной утопии и многих скрытых видов деспотизма, а вместо этого переходит к провозглашению множественности и диверсивности, многообразия и конкуренции парадигм и сосуществования гетерогенных элементов» [1, с. 132]. Все это приводит в итоге к утрате субъектом веры в существование универсальных суждений и отрицанию возможности иметь объективную, беспристрастную точку зрения.

Перейдем к анализу влияния постмодернистской перспективы на образование. В работе «Постмодернизм и государственное образование» (1997) Энди Грин пишет о том, что «пока не существует такого явления, как постмодернистская теория образования» [8, р. 8]. Несмотря на очевидную открытость слова «пока», Грин ясно скептически относится к возможности появления в будущем постмодернистской теории образования, так как «постмодернизм мало что может предложить образовательной теории» [8, р. 20]. Поэтому с нашей стороны вполне оправданна постановка следующих вопросов: Почему понятие «постмодернистская теория образования» таит в себе внутреннее противоречие? И способен ли постмодернизм представить внятную и привлекательную с точки зрения практики «образовательную теорию»?

Образование, согласно общепринятому мнению, – это деятельность, связанная с обучением и воспитанием индивида в желательном направлении; в конечном итоге, образование должно способствовать духовному становлению и развитию личности, совершенствованию ее моральных качеств. Однако подобные усилия могут быть подвергнуты критике с позиции постмодернистского подхода через формулировку следующих вопросов: Что означает «духовное становление и развитие личности»? В чьих интересах и в соответствии с какими культурными нормами это должно осуществляться? Кто именно должен решать, какие знания, ценности и склонности следует развивать или приобретать ребенку? Что происходит, когда образовательные технологии внедряются в контролируемые государством бюрократические структуры, называемые «школами»? Согласно М. Фуко, образование индивидов осуществляет «дисциплинарную нормализацию» через постоянное наблюдение за поведением индивидов, через контроль, наказание, вознаграждение и

исправление [5, с. 122]. Но тогда мы можем сформулировать встречный вопрос: Что собственно плохого в дисциплинирующем или нормализующем характере образования? Разве «нормализация» не есть часть того, что мы ожидаем от обучения и воспитания, когда приучаем детей тому, как нужно вести себя в сложившейся социальной системе и культуре?

Следует сказать, что отдельные авторы стремятся выявить позитивные аспекты «постмодернистского» подхода к образованию. Стэнли Ароновиц и Генри Жиру, пожалуй, одними из первых, предложили систематический взгляд на значение постмодернизма для образования. Одна из отличительных особенностей представленной в их работе постмодернистской высшей школы состоит в том, что решение о содержании учебной программы принимается на локальном уровне. Государственные, региональные образовательные структуры могут предлагать учебные курсы, тексты и методические указания для учащихся; родители должны быть готовы выразить свое отношение к этому и как-то повлиять на процесс обучения своих детей. Но в конечном счете властные полномочия все же закрепляются за студентами и их преподавателями [6, р. 17, 20]. Из отмеченных этими авторами предложений становится понятным, что постмодернистская концепция образования по сути направлена на укрепление довольно традиционных представлений о прогрессивном характере образования, мультикультурализме и уважении прав и автономии преподавателей, а также университетов [7].

Робин Юшер и Ричард Эдвардс, применяя постмодернистские принципы, строят собственное представление об образовательном процессе и роли педагога в нем. Они отталкиваются от гуманистического понимания личности как самомотивированного, автономного, рационально действующего субъекта, способного проявлять индивидуальную активность и избирательность. Задачу образования они понимают как содействие в реализации внутреннего потенциала личности. При этом, полагают они, постмодернизм не выдвигает никакой основополагающей точки зрения, никакой новой теории, а лишь учит тому, как подвергать сомнению все систематические воззрения. Подразумевается также с позиции постмодернистской аргументации, что индивид может самораскрываться через критический диалог с другими, с текстами, действуя в русле разнообразных педагогических традиций [10, р. 24-25].

Следует сказать, что в постмодернистском вызове обнаруживается неопределенность результатов образования в случае принятия установки на недоверие ко всем метарассказам, представленных форме научного исследования. Тогда как возможно оценить образование без метарассказов? Выделенные выше характеристики – возросшее осознание и

идиосинкразия к культурному многообразию и стилям жизни; разрушение представления об устойчивой природе идентичности; всесторонний анализ структур власти как составной части человеческих взаимоотношений; определение границы языка как средства для оправданного решения относительно конкурирующих суждений об истине или ценностях – все это определяет перспективу любого образовательного процесса с позиции постмодернизма. Постмодернисты обсуждают вопросы об экзистенциальных и этических последствиях программы всеобщего «обязательного» образования, действующих канонах обучения, об условиях защиты идеи совершенствования личности в отсутствие нормативных предписаний того, что значит быть человеком; о природе регуляции отношений учитель-ученик, когда власть, привилегии и социально-групповые интересы остаются в тени; о способах применения языка как средства общения и обучения.

Сложно понять, каким образом вышеописанная перспектива постмодернистского мышления («постмодерн начинается там, где кончается целое» [1, с. 129]), способна обеспечить нас целостным взглядом на проблемы образования, затрагивающие эффективность методов обучения и воспитания, условия овладения базовыми знаниями, навыками грамотности и логического мышления. Можно лишь выразить сомнение в том, что постмодернистская точка зрения действительно станет в скором времени авторитетной, преобразившись в педагогическую теорию или последовательную образовательную стратегию. Вместе с тем, размышляя о педагогических проблемах в терминах постмодернистского мышления, мы учимся глубже осознавать те реалии и противоречия, с которыми сталкивается образование: господство «логики перформативности», нацеленную на уничтожение различий; доминирование понятий «дисциплина» и «власть» в практиках воспитания, тотальная «технологизация» образовательного процесса и др.

Разумеется, философская педагогика имеет дело не с фиксированными теоретическими сущностями, скорее руководствуется постмодернистским правилом «непрерывного поиска новых представлений» (Лиотар), исследуя и осмысляя те тенденции в системе образования, которые следует развивать. Поэтому мы должны проявлять осторожность в оценках значения постмодернистских преобразований в педагогической сфере, которые пока находятся на стадии разработки. Только спустя время можно будет выделить сильные и слабые стороны постмодернистского «движения» в области образования и культуре, преследующего в основном практические (чисто политические) цели. Однако уже сегодня ясно, что постмодернизм сигнализирует о возросшем интересе к

теме пост-обязательного образования [9] и о необходимости разрабатывать педагогику самости.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Вельш, В. «Постмодерн». Генеалогия и значение одного спорного понятия / В. Вельш // Путь. – 1992. – № 1. – С. 109-136.
2. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна. Пер. с франц. Н.А. Шматко / Ж.-Ф. Лиотар. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1998. – 160 с.
3. Лиотар, Ж.-Ф. Ответ на вопрос: что такое постмодерн? / Ж.-Ф. Лиотар // Эстетика и теория искусства XX века / Отв. ред. Н.А. Хренов и А.С. Мигунов. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – С. 322-332.
4. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью / Пер. с франц. С. Ч. Офертаса под общей ред. В. П. Визгина и Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – 384 с.
5. Фуко, М. Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью. Ч. 2 / М. Фуко. Пер. с фр. И. Окуневой; под общей ред. Б. М. Скуратова. – М.: Праксис, 2002. – 320 с.
6. Aronowitz, S. Postmodern Education / S. Aronowitz. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1991. – 216 p.
7. Burbules, N. Postmodernism and Education / N. Burbules // The Oxford Handbook of Philosophy of education. Edited by Harvey Siegel. – Oxford: Oxford University Press, 2009.
8. Green, A. Education, Globalization, and the Nation State / A. Green. – New York: St. Martin's Press, 1997. – 206 p.
9. Halliday, J. Post-modernism and Post-compulsory Education / J. Halliday // Paideusis. 2001. – P. 31-47.
10. Usher, R. Post-modernism and Education / R. Usher, R. Edwards. – London: Routledge, 1994. – 246 p.

КОНЦЕПЦИЯ ЛЮБВИ И БИБЛЕЙСКАЯ АРХТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В РОМАНЕ Ф. ШЛЕГЕЛЯ «ЛЮЦИНДА»

LOVE CONCEPT AND BIBLICAL ARCHETEXTUALITY IN THE NOVEL BY F. SCHLEGEL «LUCINDE»

Г.В. Синоло

G.V. Sinilo

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: sinilo@mail.ru

В статье исследуется концепция любви йенских романтиков в контексте их мистического мировоззрения йенских романтиков и значимость